

Боранукова Дана Муратовна, магистрант, 2 курс. Факультет журналистики, кафедра управления информационными процессами Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

**ТИПОЛОГИЯ ФОРМАТОВ КРИМИНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В
ПЛАТФОРМЕННОЙ СРЕДЕ: РАССЛЕДОВАНИЕ, ХРОНИКА,
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ И ТРУ-КРАЙМ**

Аннотация.

В статье рассматривается типология форматов криминальной журналистики в условиях платформенной медиасреды. Показано, что расследование, криминальная хроника, документальный репортаж и тру-крайм могут использовать одни и те же цифровые каналы распространения, однако различаются по целям, источниковой базе, временному горизонту и логике повествования. Особое внимание уделено русскоязычной научной традиции изучения цифровизации журналистики, профессиональной культуры журналиста, правового медиадискурса и этико-речевых норм публичной коммуникации. Делается вывод, что платформенность не уничтожает жанровых различий, но переводит их из области внешней формы в область профессиональной функции: один и тот же криминальный сюжет может быть представлен как новость, расследование, репортажный рассказ или серийный тру-крайм-нарратив, если меняются цель автора, способ работы с источниками и режим ответственности перед аудиторией. **Ключевые слова:** криминальная журналистика, платформизация, расследование, криминальная хроника, документальный репортаж, тру-крайм, цифровые платформы, правовой медиадискурс.

Abstract.

This article explores typologies of crime journalism forms in a platform media environment. It demonstrates that investigations, crime chronicles, documentary reports, and true crime can all utilize the same digital distribution channels, regardless of their underlying subject matter, source base, time horizon, and narrative logic. Particular attention is paid to the Russian-language scholarly tradition of studying the digitalization of journalism, journalistic professional culture, legal media discourse, and the ethical and speech norms of public communication. It is concluded that platformization does not eliminate genre tropes, but rather translates them from the realm of external forms to the realm of professional functions: the same crime story can be presented as news, an investigation, a report, or a serialized true crime narrative, provided the author's goal, method of working with sources, and accountability to the audience are altered. **Keywords:** crime journalism, platformization, investigation, crime chronicle, documentary reportage, true crime, digital platforms, media discourse.

Криминальная журналистика занимает особое место в системе современных медиа, поскольку соединяет информационную, контрольную, правопросветительскую и культурно-символическую функции. Сообщение о преступлении редко остается нейтральной фиксацией факта: оно почти всегда затрагивает представления общества о безопасности, справедливости, вине, сострадании и допустимых границах публичного интереса. В цифровой среде эта многослойность усиливается. Преступление становится не только предметом редакционного сообщения, но и медиасобытием, которое распространяется через сайты, социальные сети, видеоплатформы, подкасты, стриминговые сервисы и пользовательские сообщества. Поэтому современную криминальную журналистику уже недостаточно описывать только через традиционные жанры печатной прессы или телевизионной документалистики.

Под платформенной средой в данной статье понимается не просто совокупность цифровых каналов распространения, а система алгоритмически организованной публичности, в которой медиатекст конкурирует за внимание, комментарии, пересылки, сохранения и повторные просмотры. Платформа не является нейтральным посредником: она задает ритм публикации, поощряет определенные эмоциональные реакции и влияет на композицию материала. Именно поэтому исследования цифровой журналистики все чаще связывают профессиональную устойчивость редакции с цифровыми компетенциями журналиста, способностью работать с данными, открытыми источниками, визуальными форматами и сетевой аудиторией [5; 6; 8]. Для криминальной тематики это особенно важно: ошибка в имени подозреваемого, публикация непроверенной версии или сенсационное описание насилия здесь способны причинить прямой вред людям.

Русскоязычная исследовательская традиция последних лет позволяет уточнить это положение. В работах о медиатрансформациях подчеркивается, что цифровизация меняет не только технический инструментарий редакции, но и профессиональную культуру журналиста: усиливаются требования к проверке сведений, этике речи, правовой грамотности и ответственности за последствия публикации [1; 4; 7; 8]. Это наблюдение особенно существенно для криминальной журналистики, поскольку она постоянно работает с пограничными ситуациями: общественный интерес сталкивается с презумпцией невиновности, правом на частную жизнь, травмой потерпевших и риском вторичной виктимизации.

Цель статьи состоит в том, чтобы разграничить четыре формата криминальной журналистики в платформенной среде: расследование, хронику, документальный репортаж и тру-крайм. Основанием типологии выступают четыре критерия: цель публикации, характер источников, временной горизонт и нарративная логика. Такой подход позволяет показать, почему внешне сходные

материалы - например, YouTube-фильм о преступлении, серия подкастов или длинный текст с архивными документами - могут принадлежать к разным форматам, если различаются их профессиональная задача и способ производства знания.

Платформизация журналистики означает, что редакции и независимые авторы работают в условиях частичной зависимости от внешних инфраструктур распространения. Новости, расследования и документальные проекты конкурируют не только друг с другом, но и с блогерским контентом, развлекательными видео, пользовательскими теориями и эмоциональными комментариями. Международные исследования показывают, что новостное потребление все заметнее распределяется между сайтами медиа и социальными платформами, а аудитория нередко приходит к материалу не через главную страницу издания, а через алгоритмическую рекомендацию или пересылку в мессенджере [12; 17].

Для криминальной журналистики это обстоятельство имеет двойственный эффект. С одной стороны, платформы расширяют доступ к материалам, помогают находить свидетелей, документы, цифровые следы и локальные сообщества, связанные с делом. С другой стороны, платформа стимулирует драматизацию: заголовок должен быть резким, обложка - эмоциональной, первый абзац или первые секунды видео - максимально захватывающими. В результате появляется соблазн заменить проверку фактов эффектом присутствия, а правовую аккуратность - подозрительной, но кликабельной версией.

Российские исследования цифровых технологий в массмедиа фиксируют расширение диапазона профессиональных возможностей журналиста: от работы с мультимедийными форматами до использования открытых данных и цифровых следов [5; 6]. Однако та же технологическая среда требует более высокой этической дисциплины. Этико-речевые нормы публичной коммуникации в интернете становятся не внешним украшением текста, а условием его

профессиональной состоятельности [1; 9]. В криминальной журналистике это означает необходимость различать факт, версию, оценку и предположение, а также избегать стигматизирующих формулировок в отношении жертвы, подозреваемого, семьи или локального сообщества.

Платформа меняет и временной режим криминального сообщения. Хроника стремится к мгновенности; расследование требует длительной проверки; документальный репортаж часто следует за последствиями события; тру-крайм возвращается к преступлению спустя годы, превращая его в серийный нарратив. В традиционной редакционной модели эти режимы были относительно разведены. В платформенной среде они легко накладываются: оперативная новость получает элементы расследования, репортаж монтируется как документальный сериал, а тру-крайм использует приемы журналистской фактографии. Именно поэтому типологическое различие должно опираться не на канал распространения, а на внутреннюю логику формата.

Журналистское расследование в криминальной тематике отличается от иных форматов прежде всего своей целью. Оно не ограничивается сообщением о преступлении и не сводится к пересказу версии следствия. Его задача - выявить скрытые связи, установить механизм нарушения, показать ответственность конкретных лиц, групп или институтов. В этом смысле расследование работает не только с преступлением как событием, но и с условиями, которые сделали это событие возможным: коррупцией, злоупотреблением полномочиями, неэффективностью контроля, коммерческими интересами, институциональным молчанием.

Источниковая база расследования принципиально многослойна. Она включает судебные материалы, государственные реестры, закупочные базы, архивы, корпоративные документы, интервью, данные социальных сетей, геолокационные следы, фото- и видеоматериалы, свидетельства экспертов. Платформенная среда расширяет этот набор, поскольку значительная часть

общественной жизни оставляет цифровые следы. Однако изобилие данных не снимает проблемы верификации. Напротив, оно повышает требования к методике: журналист должен объяснять, откуда получен документ, как проверена его подлинность, какие ограничения имеет источник и почему сделанный вывод не является произвольной интерпретацией [6; 11].

Временной горизонт расследования, как правило, ретроспективно-аналитический. Расследование обращается к уже произошедшему событию, но его интересует не только прошедшее. Оно стремится воздействовать на настоящее: инициировать общественную дискуссию, правовую проверку, институциональные изменения. Поэтому расследование в криминальной журналистике ближе к публичному контролю, чем к простой криминальной истории. В русскоязычном контексте это связано и с дискурсом правовой культуры: медиа не заменяют суд или следствие, но участвуют в формировании общественного понимания права, ответственности и допустимых способов публичного обвинения [7].

Нарративная логика расследования строится вокруг доказательства. Материал может быть написан динамично, включать элементы интриги, визуализацию данных и драматургию поиска, но его композиционный центр - не эффект неожиданности, а проверяемая аргументация. Хорошее расследование показывает путь от вопроса к выводу: что было неизвестно, какие источники позволили это установить, какие альтернативные версии были исключены и где остаются зоны неопределенности. В платформенной среде эта логика часто вступает в конфликт с ожиданием немедленного эмоционального вывода, но именно сопротивление такой поспешности и отличает расследование от сетевого разоблачения.

Криминальная хроника является наиболее оперативным форматом криминальной журналистики. Ее цель - быстро сообщить аудитории о происшествии: убийстве, нападении, задержании, судебном решении,

исчезновении человека, аварии с признаками преступления. В отличие от расследования, хроника не обязана сразу раскрывать скрытую причинность; ее профессиональная задача состоит в точной фиксации того, что известно на данный момент, и в корректном обозначении того, что еще не подтверждено.

Главные источники хроники - официальные сообщения правоохранительных органов, пресс-службы судов, заявления прокуратуры, комментарии медиков и спасательных служб, свидетельства очевидцев, локальные паблики, видеозаписи с места событий. В платформенной среде последние два типа источников приобретают особое значение, но именно они требуют максимальной осторожности. Пользовательское видео может фиксировать реальный фрагмент события, но не объяснять его контекст; сообщение в локальном канале может быть первым сигналом, но не доказательством. Поэтому хроника должна постоянно маркировать степень надежности данных: «по предварительной информации», «по словам очевидцев», «официально не подтверждено», «следствие проверяет версию». Это не стилистическая перестраховка, а профессиональная защита от распространения ошибки.

Временной горизонт хроники - моментальный и обновляемый. Материал часто существует как серия коротких сообщений: первое уведомление, уточнение, официальное подтверждение, новые детали, судебное продолжение. Платформа усиливает этот режим: публикация может быть дополнена через несколько минут, вынесена в push-уведомление, пересобрана в карточки или короткое вертикальное видео. Но ускорение не отменяет качества. Напротив, чем выше скорость, тем важнее минимализм утверждений. Хроника должна сообщать меньше, но точнее, не превращая непроверенную версию в готовую причинно-следственную схему.

Нарративная логика хроники фрагментарна. Она не обязана строить целостный рассказ и не должна искусственно драматизировать событие. Ее

базовая единица - проверенный факт, а не сюжетная арка. Поэтому в платформенной среде наиболее опасным искажением хроники становится ее превращение в микротриллер: заголовок обещает «шокирующие подробности», обложка визуально эксплуатирует страх, а текст фактически не содержит подтвержденной информации. С точки зрения профессиональной культуры журналиста такая практика разрушает доверие к медиа и переводит общественно значимую информацию в режим эмоционального потребления [8].

Документальный репортаж занимает промежуточное положение между новостной фиксацией и аналитическим расследованием. Его цель - не только сообщить о преступлении и не только доказать скрытую связь, а показать человеческий, социальный и пространственный контекст события. Репортаж интересуется тем, как преступление переживается людьми, как оно меняет локальное сообщество, какие следы оставляет в городской среде, семье, памяти свидетелей и институциональной практике.

Источниковая база документального репортажа строится вокруг наблюдения, интервью, деталей места, речевых характеристик участников, документов и визуальных материалов. В криминальной тематике эта работа требует особой деликатности: репортер приближается к травме, но не должен превращать ее в зрелище. Русскоязычные исследования этико-речевых норм полезны здесь тем, что показывают: публичная речь журналиста не только передает информацию, но и задает рамку отношения к человеку [1]. Слова «жертва», «потерпевшая», «подозреваемый», «маньяк», «изверг», «неблагополучная семья» несут разные правовые и эмоциональные нагрузки; неаккуратный выбор лексики способен заранее распределить вину и сочувствие.

Временной горизонт документального репортажа чаще всего длительный или отсроченный. Репортер может вернуться на место преступления через недели, месяцы или годы, чтобы показать, что происходит после исчезновения новостного интереса. Именно здесь обнаруживается то, чего не видит хроника:

усталость родственников, страх соседей, бюрократическая рутина, память о погибших, конфликт между официальной версией и повседневным опытом людей. Поэтому документальный репортаж в криминальной журналистике часто оказывается форматом медленного внимания.

Нарративная логика репортажа строится вокруг присутствия и реконструкции опыта. Автор может вести читателя или зрителя через место, разговоры, документы, детали быта, фрагменты судебного заседания. В отличие от расследования, репортаж не всегда завершается разоблачением; в отличие от хроники, он не ограничивается фактом; в отличие от тру-крайма, он не обязан поддерживать интригу серии. Его сила - в способности показать преступление как социальную рану, а не только как загадку или статистическую единицу.

Тру-крайм в современной платформенной среде является наиболее гибридным форматом криминального повествования. Он может включать элементы журналистского расследования, документального репортажа, судебной хроники, архивного исследования, психологического комментария и развлекательной драматургии. Его цель обычно шире, чем информирование: тру-крайм стремится удержать внимание аудитории через последовательное раскрытие преступления, характеров, версий и загадок. Именно поэтому он особенно хорошо адаптирован к подкастам, сериалам, YouTube-форматам и стриминговым платформам [16].

Источники тру-крайма могут быть весьма разнообразными: судебные документы, полицейские записи, интервью, архивные материалы, домашнее видео, социальные сети жертв и подозреваемых, новостная хроника, документы журналистских расследований. Однако источниковое богатство не гарантирует журналистского качества. Тру-крайм может быть основан на серьезной проверке фактов, но может и паразитировать на уже опубликованных материалах, пересказывая их с усиленной эмоциональной интонацией. В последнем случае

возникает паражурналистский продукт: внешне документальный, но методологически слабый.

Временной горизонт тру-крайма обычно ретроспективно-серийный. Он часто обращается к уже известному или закрытому делу, переупаковывая его для новой аудитории. Иногда такие проекты действительно способствуют общественному вниманию к судебным ошибкам, забытым жертвам или нерасследованным обстоятельствам. Однако популярность тру-крайма имеет и обратную сторону: она может стимулировать любительское расследование, публичную травлю, романтизацию преступника и превращение реальных страданий в потребляемый сюжет [13; 16].

Нарративная логика тру-крайма строится вокруг загадки, подозрения, эмоционального напряжения и постепенного раскрытия. В этом он ближе к детективной культуре, чем к хронике. Но в отличие от художественного детектива, тру-крайм работает с реальными людьми, документами и последствиями. Поэтому его этический статус зависит от того, какой принцип оказывается главным: восстановление фактической и человеческой сложности дела или производство зрительского возбуждения. Платформенная среда усиливает второй риск, потому что серийность, клиффхэнгеры, мрачная визуальность и эмоциональные превью хорошо конвертируются в удержание аудитории.

Для русскоязычного медиаполя тру-крайм важен еще и потому, что он активно заимствует язык блогерского сторителлинга. Автор часто выступает не как нейтральный журналист, а как рассказчик, собеседник и интерпретатор, который делится сомнениями, эмоциями и версиями. Такая персонализация может повышать доверие, но одновременно размывает границу между профессиональным анализом и субъективным предположением. Поэтому цифровые компетенции журналиста в данном формате должны включать не

только умение монтировать историю, но и способность явно отделять документ, факт, реконструкцию и авторскую гипотезу [6].

Для разграничения форматов криминальной журналистики в платформенной среде продуктивно использовать четыре критерия: цель, источники, временной горизонт и нарративную логику. Эти критерии позволяют избежать упрощенного деления по носителю. Один и тот же канал - например, YouTube или подкастинговая платформа - может быть использован для хроники, расследования, репортажа и тру-крайма. Различие возникает не в технической оболочке, а в способе журналистской работы с реальностью.

Таблица 1 – Сравнительная типология форматов криминальной журналистики

Формат	Цель	Источники	Временной горизонт	Логика повествования
Расследование	Выявить скрытую причинность, ответственность и механизм нарушения	Документы, базы данных, интервью, судебные материалы, открытые источники	Длительный, ретроспективно-аналитический	Доказательство, реконструкция цепочки фактов, проверка версий
Криминальная хроника	Оперативно сообщить о событии и его обновлениях	Официальные сообщения, очевидцы, локальные каналы, фото- и видеоматериалы	Моментальный, обновляемый	Факт, краткое уточнение, маркировка непроверенных сведений
Документальный репортаж	Показать опыт, среду и последствия преступления	Наблюдение, интервью, детали места, документы, визуальные свидетельства	Отсроченный или длительный	Присутствие, человеческий опыт, социальный контекст
Тру-крайм	Удерживать внимание через документальный рассказ о реальном преступлении	Архивы, суды, интервью, хроника, социальные сети, реконструкции	Ретроспективно-серийный	Загадка, напряжение, версии, последовательное раскрытие сюжета

Источник: составлено автором на основе анализа современных исследований платформизации журналистики, цифровых компетенций журналиста, правового

медиадискурса и практик цифрового распространения криминальных сюжетов [5; 6; 7; 12; 16; 17; 18].

Представленная типология показывает, что платформенная среда не уничтожает различия между форматами, но делает их менее устойчивыми на уровне внешней формы. Видео может быть хроникой, расследованием, репортажем или тру-краймом; подкаст также не имеет заранее заданного жанрового статуса. Различие определяется тем, какую задачу решает автор, какие источники он использует, как работает со временем и какую ответственность берет за выводы.

Особое значение имеет отношение к неопределенности. Хроника обязана честно маркировать неполноту сведений. Расследование должно снимать неопределенность только там, где это позволяют источники. Репортаж может сохранять человеческую неоднозначность опыта. Тру-крайм, напротив, часто превращает неопределенность в двигатель серии, и именно поэтому нуждается в наиболее явной маркировке версий, реконструкций и допущений.

Сравнение форматов показывает, что главная проблема платформенной криминальной журналистики заключается не в самом расширении форм, а в смещении режимов ответственности. Хроника иногда начинает вести себя как расследование, хотя не имеет достаточной базы доказательств. Тру-крайм использует язык документалистики, но может не раскрывать источники и монтажные допущения. Репортаж получает эстетическую силу, но рискует приблизиться к эксплуатации чужой боли. Расследование приобретает серийную драматургию, однако не должно подменять доказательство зрительским ожиданием.

В этом смысле русскоязычные работы о правовой культуре, профессиональной культуре журналиста и этико-речевых нормах помогают уточнить критерии качества криминального медиатекста [1; 7; 8]. Во-первых, журналист должен соблюдать презумпцию невиновности не только юридически,

но и лингвистически: до судебного решения человек не может быть представлен как окончательно виновный. Во-вторых, необходимо ограничивать детализацию насилия, если она не несет общественно значимой информации. В-третьих, следует бережно работать с именами, фотографиями, личными страницами и семейными обстоятельствами жертв. В-четвертых, важно не превращать преступника в харизматического героя повествования, даже если драматургически это кажется эффективным.

Методологически каждый формат должен иметь собственную дисциплину. Хроника обязана честно признавать неполноту сведений. Расследование должно предъявлять проверяемую цепочку доказательств. Документальный репортаж должен объяснять, как получены свидетельства и почему конкретные голоса представлены в тексте. Тру-крайм должен маркировать реконструкции, версии и авторские гипотезы. Если эти требования нарушаются, платформенная криминальная журналистика теряет общественную функцию и превращается в индустрию подозрения.

Заключение

Типология криминальной журналистики в платформенной среде должна учитывать не только жанровые традиции, но и инфраструктурные условия современной медиакommunikации. Расследование, хроника, документальный репортаж и тру-крайм различаются не столько внешней формой, сколько профессиональной задачей. Расследование ищет скрытую причинность и институциональную ответственность. Хроника оперативно фиксирует событие и обновляет сведения. Документальный репортаж показывает опыт, среду и последствия преступления. Тру-крайм превращает реальное дело в серийный документально-нарративный сюжет.

Платформенная среда делает эти различия менее очевидными для аудитории. Один и тот же криминальный сюжет может перемещаться между

форматами, а алгоритмическая логика поощряет элементы, которые лучше удерживают внимание: загадку, страх, возмущение, эмоциональное свидетельство, визуальный шок. Однако именно поэтому профессиональные критерии становятся более значимыми. Чем сильнее давление вовлеченности, тем важнее проверка источников, правовая точность, этико-речевая аккуратность и ясное различие факта, версии и авторской интерпретации.

Добавление русскоязычной исследовательской базы позволяет увидеть, что проблема криминальной журналистики в цифровую эпоху не сводится к заимствованию западных тру-крайм-моделей. В российской и русскоязычной научной традиции уже разработаны подходы к цифровым компетенциям журналиста, профессиональной культуре, правовому медиадискурсу, этике речи и трансформации массовых коммуникаций [1-9]. Эти подходы дают продуктивную основу для дальнейшего изучения криминальных форматов, особенно если соединять жанровый анализ с анализом платформенной инфраструктуры и медиапрактик аудитории.

Наиболее важный вывод состоит в том, что платформенность не отменяет профессиональных норм, а делает их более необходимыми. Для криминальной журналистики такими нормами остаются проверка источников, осторожность в обвинении, уважение к жертвам, отказ от неоправданной сенсационности и готовность показывать границы собственного знания. Именно по этим признакам криминальный медиатекст может быть отличен от развлекательной эксплуатации преступления.

Китература

1. Брусенская Л. А., Барабаш В. В., Куликова Э. Г. Этико-речевые нормы современного русского языка : монография. М.: ФЛИНТА, 2022. 164 с.

2. Музыкант В. Л., Барабаш В. В., Бордюгов В. А. и др. Системность массовых коммуникаций: образы «свой - чужой» в инфодемии : монография / под общ. ред. В. Л. Музыканта, В. В. Барабаша. М.: DirectMEDIA, 2021. 365 с.
3. Олешко В. Ф., Журавлева В. М. Социальная журналистика в контексте развития тенденций цифровизации контента // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 152-155.
4. Олешко В. Ф., Мухина О. С. Журналистика периода COVID-19: актуальные вызовы, пути трансформации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6. С. 30-39. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-30-39.
5. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Сквозные цифровые технологии: диапазон возможностей современных массмедиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 564-585. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).564-585.
6. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Цифровые компетенции профессиональной успешности современного журналиста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 6. С. 32-43. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-6-32-43.
7. Олешко В. Ф. Медиафера и дискурс правовой культуры // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 3. С. 196-199. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.3.059.
8. Профессиональная культура журналиста в условиях медиатрансформаций : коллективная монография / под ред. М. А. Мясниковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 236 с. ISBN 978-5-7996-3001-0.
9. Трофимова Г. Н., Барабаш В. В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга : монография. М.: РУДН, 2020. 270 с.

10. Askari H., Chhabra A., Clemm von Hohenberg B., Heseltine M., Wojcieszak M. Incentivizing News Consumption on Social Media Platforms Using Large Language Models and Realistic Bot Accounts. 2024.
11. Bojic L., Prodanovic N., Samala A. D. Maintaining Journalistic Integrity in the Digital Age: A Comprehensive NLP Framework for Evaluating Online News Content. 2024.
12. Digital News Report 2025. Reuters Institute for the Study of Journalism. Oxford: University of Oxford, 2025. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2025> (дата обращения: 19.05.2026).
13. O'Brien B. True crime's popularity brings real change for defendants and society. It's not all good. Associated Press. 2024. URL: <https://apnews.com/article/66790454ecf2edebbfdd4250d681da2a> (дата обращения: 19.05.2026).
14. Pera A., Aiello L. M. Shifting Climates: Climate Change Communication from YouTube to TikTok. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2312.04974> (дата обращения: 19.05.2026).
15. Rech B., Meyer M. Plattformen und neue Technologien im Journalismus: Ergebnisse einer Online-Befragung von Journalistinnen und Journalisten in Deutschland. 2021.
16. Richards I. Justice on demand: true crime in the digital streaming era // Feminist Media Studies. 2021. DOI: 10.1080/14680777.2021.1886146.
17. Social Media and News Fact Sheet. Pew Research Center. 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet/> (дата обращения: 19.05.2026).
18. Wang Y., Zannettou S., Blackburn J., Bradlyn B., De Cristofaro E., Stringhini G. A Multi-Platform Analysis of Political News Discussion and Sharing on Web Communities. 2021. URL: <https://arxiv.org/abs/2103.03631> (дата обращения: 19.05.2026).

Literature

1. Brusenskaya L. A., Barabash V. V., Kulikova E. G. *Ethical and Speech Norms of the Modern Russian Language* : monograph. Moscow: FLINTA, 2022. 164 p.
2. Muzykant V. L., Barabash V. V., Bordyugov V. A. et al. *Systemicity of Mass Communications: "Us – Them" Images in the Infodemic* : monograph / ed. by V. L. Muzykant, V. V. Barabash. Moscow: DirectMEDIA, 2021. 365 p.
3. Oleshko V. F., Zhuravleva V. M. Social Journalism in the Context of Content Digitalization Trends. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2023. No. 4. pp. 152-155.
4. Oleshko V. F., Mukhina O. S. Journalism during COVID-19: Current Challenges and Paths of Transformation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2022. Vol. 21, No. 6. pp. 30-39. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-30-39.
5. Oleshko V. F., Oleshko E. V. Cross-cutting Digital Technologies: The Range of Opportunities for Modern Mass Media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2022. Vol. 11, No. 3. pp. 564-585. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).564-585.
6. Oleshko V. F., Oleshko E. V. Digital Competencies for Professional Success of a Modern Journalist. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2024. Vol. 23, No. 6. pp. 32-43. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-6-32-43.
7. Oleshko V. F. Media Sphere and the Discourse of Legal Culture. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2023. Vol. 29, No. 3. pp. 196-199. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.3.059.
8. *Professional Culture of a Journalist in the Context of Media Transformations* : collective monograph / ed. by M. A. Myasnikova. Yekaterinburg: Ural University Press, 2020. 236 p. ISBN 978-5-7996-3001-0.

9. Trofimova G. N., Barabash V. V. *The Linguistic Aftertaste of the Internet Era in Russia: The Boomerang Effect* : monograph. Moscow: RUDN, 2020. 270 p.
10. Askari H., Chhabra A., Clemm von Hohenberg B., Heseltine M., Wojcieszak M. *Incentivizing News Consumption on Social Media Platforms Using Large Language Models and Realistic Bot Accounts*. 2024.
11. Bojic L., Prodanovic N., Samala A. D. *Maintaining Journalistic Integrity in the Digital Age: A Comprehensive NLP Framework for Evaluating Online News Content*. 2024.
12. *Digital News Report 2025*. Reuters Institute for the Study of Journalism. Oxford: University of Oxford, 2025. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2025> (accessed: 19.05.2026).
13. O'Brien B. True crime's popularity brings real change for defendants and society. It's not all good. *Associated Press*. 2024. URL: <https://apnews.com/article/66790454ecf2edebbfdd4250d681da2a> (accessed: 19.05.2026).
14. Pera A., Aiello L. M. *Shifting Climates: Climate Change Communication from YouTube to TikTok*. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2312.04974> (accessed: 19.05.2026).
15. Rech B., Meyer M. *Plattformen und neue Technologien im Journalismus: Ergebnisse einer Online-Befragung von Journalistinnen und Journalisten in Deutschland*. 2021.
16. Richards I. Justice on demand: true crime in the digital streaming era. *Feminist Media Studies*. 2021. DOI: 10.1080/14680777.2021.1886146.
17. *Social Media and News Fact Sheet*. Pew Research Center. 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet/> (accessed: 19.05.2026).
18. Wang Y., Zannettou S., Blackburn J., Bradlyn B., De Cristofaro E., Stringhini G. *A Multi-Platform Analysis of Political News Discussion and Sharing on Web*

Communities. 2021. URL: <https://arxiv.org/abs/2103.03631> (accessed: 19.05.2026).